
Идентичность: теоретические аспекты и пространственное содержание в условиях пограничных межэтнических разломов: на примере региона «Ивангород-Нарва»

Н.М. Межевич

*Пробил конец эпохи, треснула и сгнула держава,
и колючая проволока границ выступила из разломов.*

М. Веллер

В условиях глобализирующегося мира региональная идентичность в месте с национальной начинает серьезно корректировать процессы глобализации. Всплеск национализма и повсеместное распространение национальных движений получили в многочисленных научных исследованиях наименование «этнического парадокса XX века». Парадоксальность современных этнических процессов многими учеными-этнологами видится в следующем. С одной стороны, мол, налицо тенденция к интеграции, интернационализации экономики, взаимопроникновению культур. С другой стороны, не менее очевидной является и тенденция к обособлению, разделению, сепаратизму.

Однако представляется, что речь нужно вести скорее не о парадоксальности этнических процессов, а о кризисе научных концепций. Нации и национализм просто не поддаются адекватному описанию и объяснению на том языке, которым пользуются ученые-этнологи. К примеру, один из самых известных специалистов в этой области Э. Геллнер утверждает, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается».¹ События последнего десятилетия XX века доказали преждевременность подобных выводов. Национализм базирующийся на этнической самоидентификации как части идентификации социальной укрепляет свои позиции.

---

¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 42.

Основатели теории социальной идентичности рассматривают её как уровень самокатегоризации. (Л. Шнейдер, Дж. Тернер). Для целей нашего исследования очевидно, что и представители интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гоффман), школы социальных представлений (С. Московичи, М. Заваллони), — рассматривают социальную идентичность как один из уровней Я-отнесенности (самокатегоризации, «Я-концепции»)

Этническая идентичность – часть социальной идентичности личности. В её структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент социальной идентичности, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

За рубежом этническая общность, как правило, рассматривается как социальная конструкция, возникающая и существующая в результате целенаправленных усилий политиков и творческой интеллигенции. Национальная (этническая) идентичность согласно этого мнения определяется как продукт сознательного процесса строительства нации, проводимого группами элит с целью узаконить власть и статус. Иными словами, этническая общность – это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность.

Тем самым идентичность выступает в форме своеобразной самопрезентации, в рамках которой один человек или общность людей в т. ч. и территориальная оценивают свое положение к внешнему миру. Как отмечает немецкий политолог А. Нойманн: «... идентичность — это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса».²

Российские этнологи и политологи, как правило, более склонны к рассмотрению этноса как реальной социальной группы, сложившейся в ходе исторического развития общества. При этом все исследователи в качестве этнодифференцирующих характеристик выделяют разные факторы: наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), язык, ценности и нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, реальные черты национального характера и самообразы, народное искусство.

Изучение идентичности является достаточно традиционным для социологии и политологии явлением. Однако территориальная идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения ученых. Приведем пример явной недооценки роли территориальных факторов: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуля-

---

² Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.30, p. 349.

ций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура».³ Социологи указывают, что «... социология пространства на самом деле развивается, но не столько социологами, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как «науку о пространстве», а социальную географию — как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в пространстве социальных институтов, о планировании пространства, о перемещениях людей, в конце концов, об их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, кажется, почти исчерпана».⁴

Следует отметить, что географы подошли к изучению проблем идентичности и отталкиваясь от изучения географической среды. Географы, конечно же, не видели в характеристиках территории единственную причину конкретного формирования какой-либо культуры, скорее, те или иные особенности географической среды рассматривались как фактор территориальной дифференциации культуры. Теории географической среды и ее многочисленные ответвления сыграли, безусловно, положительную роль в формировании теоретических представлений о региональной идентичности.

* * *

Традиционные исследования территориальной общности базировались на представлениях о жестко ограниченных в территориальном социальном и культурном плане. Эксперты и ученые считали, что «конфликт идентичностей» происходит там, где две или более этнические группы начинают претендовать на одну и ту же историческую, культурную, социальную, политическую, религиозную, лингвистическую территорию. Естественно то, что «накладка идентичностей» наиболее явно проявляется в случаях политических притязаний на спорные географические территории. Сила территориального инстинкта многократно умножается в том случае, если территориальная общность оказывается в пограничном положении. В общественных науках постепенно складывается точка зрения, согласно которой под территориальной идентичностью понимаются изменяющиеся и динамичные явления, нежели зафиксированные неизменные пространства с четкими границами.⁵

Этот процесс хорошо прослеживается в Европе. Регионализм новой Европы предполагает возможность, (но не обязательность) наличия у каждой общности или его субъекта нескольких вариантов региональной этнополитической самоидентификации. Можно поставить вопрос о вспомогательной идентичности базирующейся на наличие двух «эталонных культур» или одной эталонной и одной вспомогательной. Именно поэтому проблема в том, что бы объективно выделить различные срезы этнической идентичности (внутренняя идентичность, декларируемая, приписываемая другими, офици-

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. с.49.

⁴ Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы//Логос. №5–6. 2000. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5-6.

⁵ Castells, M. The Power of Identity. Economy, Society and Culture. Blackwell. Oxford, 1997.

ально фиксируемая идентичность), которые находятся во взаимосвязи и подвержены динамическому взаимовлиянию. Каждый из указанных срезов имеет и территориальное проявление. Может ли присутствовать этническая идентичность без территории? Да, например, у цыган. Но очевидно, что перед нами исключительный случай. Следует согласиться с мнением Кеннета Болдинга отмечавшего, что территориальный аспект является одной из важных детерминант национального образа. Размер территории, занимаемой государством, ее ландшафт, климат и природа часто служат смысловой опорой для людей, описывающих свою родину. Потеря или приобретение территории, т. е. изменение очертаний государства, может послужить источником изменений в национальной идентичности.⁶ Энтони Смит также особо выделяет территорию в характеристике этноса, как «общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, **ассоциированную со специфической территорией**, и обладающей чувством солидарности».⁷ Понятие этнической солидарности использует и Юрген Хабермас: «Память о моральной пропасти, в которую столкнул нас националистический эксцесс, придает нашей современной европейской ангажированности статус достижения. Этот исторический фон мог бы подготовить почву для перехода к постнациональной демократии, основанной на взаимном признании различий между гордыми национальными культурами. Ни «ассимиляция», ни «сосуществование» не являются моделями, подходящими для нашей истории — той истории, что научила нас создавать все более абстрактные формы «солидарности между чужими».⁸

Иная ситуация с территориальной идентификацией диаспоры. Диаспора — это те, кто сам или в лице своих предков покинули изначальную территорию проживания. Причем изначальной территорией может и не быть историческая родина. Соответственно родиной будет именоваться регион, где сложился культурный архетип, частично сохраняющийся у диаспоры и присутствующий у базового этноса. В. А. Тишков особо выделил такой характерный признак диаспоры, как «наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), которые включают географическую локализацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев». В. А. Тишков склоняется к мнению о том, что диаспора — скорее стиль жизненного поведения, чем жестко очерченная демографическая или этнокультурная реальность. Более того, в научном сообществе нет, не только единого подхода к трактовке национальных отношений, но и общепринятого понятийного аппарата для их анализа. Некоторые ученые даже предлагают отказаться от самого понятия нация, ибо считают его некорректным. Так директор Института этнологии и антропологии В. А. Тишков утверждает, что нация есть «политический лозунг и средство

---

⁶ *Boulding K. E.* National Images and International systems in *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 3. No 2. 1959, pp. 120–131.

⁷ *Smith A.* *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford, 1986. p. 86.

⁸ *Хабермас Ю.* Будущее Европы как политической общности <http://www.academy-go.ru/Site/RussiaEC/Publications/Habermas.shtml>.

социальной мобилизации, а вовсе не научная категория». Понятие же «национальное государство» он называет «грандиозной мистификацией».⁹

Для исследователей, придерживающихся этой концепции, национальная принадлежность есть, прежде всего, вопрос веры. Так Т. Эриксен утверждает: «Нация... является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так и должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой».¹⁰ Отсюда делается вывод: поскольку национальность не является сущностной характеристикой сознания, но привнесена в него идеологией, то ею можно манипулировать, создавая новые мифы. С этой точкой зрения трудно согласиться.

* * *

Следует отметить, что этнические границы часто становятся решающим фактором формирования этнической идентичности. Этнос, как социальная группа, существует благодаря тому, что существует объективная возможность «узнавания» этой группы среди других. Узнавание же возможно только в том случае, если существует возможность каким-то образом сопоставить эту общность с другими, как-то отличить ее: «этническое «Мы» проявляет себя благодаря тому, что есть некоторые «Они», отличающегося от данного «Мы» языком, культурой, обычаями и другими характеристиками».¹¹ Таким образом, именно существование этнических границ определяет формирование этнической идентичности: поскольку этнос есть ни что иное, как социальная группа, следовательно, этнос есть совокупность членов этой социальной группы осознающих свою принадлежность к ней, то есть этническая идентификация есть «узнавание своих членами группы», которое возможно только при наличии определенных отличительных признаков данного этноса. Национальные границы проницаемы и часто более проницаемы, чем границы государственные. «Национальные границы больше похожи на нашу кожу, чем на неприступные укрепления. Они представляют собой мембраны, через которые движется поток жизненных сил, связывающих наше существование с бытием остального мира. Мы разделяем как общие возможности, так и общую уязвимость, на нас воздействуют как поведение других людей и наций, так и жизнь окружающей нас биосферы, и наш суверенитет должен восприниматься лишь в контексте этого подвижного взаимодействия».¹² В месте с тем, проницаемость границ вовсе не означает прекращения существования этнических общностей. Норвежский антрополог Ф. Барт отмечает то, что

---

⁹ Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы национального-строительства). Вопросы философии. 1995. № 2. с. 9.

¹⁰ Цит. по: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. с. 86.

¹¹ Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян. // СоцИс. 1996. №12. с. 23–33.

¹² Мише П. Суверенитеты в неустойчивой среде // Коммунист. №13. 1991, с. 84.

этнические различия сохраняются, не смотря на то, что количество межэтнических контактов увеличивается, а их интенсивность постоянно возрастает. Более того, этнические различия сохраняются даже после того, как человек в течение жизни имеет возможность менять членство в социальной или этнической группе. На важность и устойчивость этноса также указывает тот факт, что многие социальные отношения становятся противопоставленными после того, как проходят через этнические границы. И не смотря на то, что этносы существуют часто в единой социальной системе, различия между ними не стираются. Барт утверждал, что «взаимодействие этносов в социальной системе не ведет к ликвидации этнических различий путем их изменения или аккультурации; культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническому контакту и взаимной зависимости»¹³.

Таким образом, государственные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности. Они были инструментальны в формировании внутренних конфликтов. В этом отношении современные границы имеют глубоко противоречивое значение, которое воплощается в различных формах социальной напряженности. Однако, на самом деле, их функция еще шире, и это ведет к непреднамеренным, но решающим последствиям. Если смотреть на границу, то так или иначе известно, что за ней находится другой мир. Иными словами, границы создают различие «свой» — «чужой», которое считается существенным. Различие одновременно привлекает и отпугивает. С одной стороны, оно помогает создавать коллективную идентичность, но, с другой стороны, оно угрожает существованию этой идентичности.

Среди отечественных исследований одно из немногих исследований «территориальной идентичности» принадлежит Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанову. Территориальная идентичность, является результатом отождествления «Я — член территориальной общности». Предполагается, что для каждого индивида при фиксированном наборе образов территорий механизм идентификации постоянен. Авторы указывают, что каждый индивид обладает образом «Я — член территориальной общности», который вместе со способом соотнесения (сравнения, оценивания, различения и отождествления) образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм территориальной идентификации. Важным моментом здесь является «масштаб» или границы той территориальной общности, к которой индивид чувствует причастность: это может быть ограниченная территория — конкретное место (город, село, область), или значительно более широкие пространства — Россия, СНГ, а для некоторых респондентов («имперцев», «державников») — все еще СССР. Многое зависит от условий социализации и положения (не только социального, но и географического) конкретного индивида.¹⁴

Особенно интересны историко-географические образы, которые возникают в переходных зонах, на стыках, в пограничных полосах. В исследова-

¹³ Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences. L.: Polity Press, 1989, p. 10.

¹⁴ Шматко Н.А. Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // СоцИс. 1998. № 4. С. 94–101.

нии Гастона Башляра «Поэтика пространства» (*Bachelard G. La poétique de l'espace. Paris, 1957.*) затрагивается анализ образа места. Подробно рассматривал этот вопрос развивая труды Гастона Башляра и Даниэл Дидней. Он провел сравнительный анализ различных случаев национализма, пришел к выводу, что со снижением роли религии в обществе, современный национализм заменяет религиозные связи между индивидуумами, пространственно-политическими, однако националистическая риторика последовательно использует приемы религиозного символизма. Дидней считает, что: «В наиболее ранних концепциях политической идентичности, пространство часто определяется как святое место, потому что оно считается населенной духами, богами и божественными силами». (*Deudney D. Ground Identity: Nature, Place and Space in Nationalism in Lapid. //The Return of Culture and Identity in IR Theory, Boulder, London, 1996, p.132*). Огромное значение имеют и исторические памятники, фиксирующие переходные зоны и превращающиеся в историко-географический образ. Поле историко-географических образов состоит из знаковых объектов природного и историко-культурного типа. (Таковыми объектами являются Нарвская и Ивангородская крепости).

Рассматриваемая граница относится к разряду «естественных границ». Как любая граница рассматриваемый рубеж в определенной степени охранял культуру и язык. Это совпадает с политикой современного эстонского государства стремящегося к гомогенизации своих жителей. Вместе с тем, принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода буферных и промежуточных территориальных зон между сильными или соперничающими государствами, которые, по сути, могут быть самостоятельными историко-культурными образами. Такие территории, не имея формального двойного подчинения идентифицируются как **предел**. Причем предел и граница территориально могут не совпадать. Это явление соответствует концепции вспомогательной идентификации рассмотренной выше. С одной стороны, региональная идентификация в рассматриваемом регионе формируется границей. С другой, сформировавшаяся идентификация сдвигает или размывает границы или пределы. Приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-географическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей и периферией своего государства. Являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами. В некотором смысле можно даже говорить о региональной культурной гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной гетерогенности. Таким образом, центральной категорией социального анализа феномена границ должно стать понятие приграничье (*borderland*), которое понимается, не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое социальное пространство. Идентификация границы, может имеет различное значение в разных местах. Это связано и с тем, что далеко не все границы сформировались искусственно, часто они носят закономерный характер опираются на естест-

венные рубежи как природного так и культурного характера, становятся самостоятельным социально-историческим феноменом. Если их отменяют, как это часто случается, они оставляют следы в самосознании, в региональной идентификации, которые едва ли когда-либо исчезнут.

Подведем промежуточный итог. Региональная идентификация в приграничных районах — это элемент общественного и личностного сознания, в котором отражается сознание территориальной общностью своих интересов как в отношении с другими общностями своей нации, так и по отношению к территориальным общностям соседнего государства. Важнейшей функцией регионального самосознания является поиск путей самосохранения региональной общности. При этом «регион» понимается как единицу в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. Становление целостных механизмов и структур воспроизводства рождает региональные общности различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории и соответствовать определенным массивам природного окружения.

* * *

Региональная идентичность как явление общественной жизни и предмет исследования имеет достаточно сложную природу. Вероятно, разворачивающаяся унификация экономического пространства (глобализация), сопровождается дифференциацией политического пространства — (регионализация). Новая региональная самоидентификация России скорее не явление, а процесс, который растянется на долгое время. Однако существуют участки российской территории, где реидентификация вынужденно идет быстрыми темпами. Более того, новая российская идентичность в приграничных районах уже может быть предметом анализа. Сказанное относится не ко всем новым границам России, а лишь тем, где делимитация и демаркация уже проведена. В свою очередь нагляднее всего изменение региональной идентичности заметно на традиционных рубежах, уже бывших границами и очерченных в бытовом и политическом сознании. Российско-эстонская граница на северном участке от Нарвского залива до Чудского озера относится именно к таким рубежам.

Отмеченный процесс развивается в Европе достаточно давно. И сегодня уже есть примеры появления качественно нового типа общности — трансграничного региона. Важно, что такой регион одновременно развивается под действием таких акторов, как государства, так и отдельных частей государств, что подчеркивает гетерогенность трансграничного региона.

При этом базовым компонентом трансграничного региона выступают сети многочисленных каналов и связей между этими акторами. Допускаются связи как между однотипными акторами, так и между акторами разных уров-

ней (субрегион — государство). Необходимо понимать, что, говоря о субрегиональных связях, каналах и сетях, следует понимать отношения как между этими субрегионами в целом, так и между отдельными фирмами, образовательными учреждениями, неправительственными организациями, то есть теми, кто наполняет субрегиональное сотрудничество конкретным содержанием.

Трансграничные регионы включают в себя две плоскости сотрудничества: межгосударственную и межрегиональную, причем интеграция наилучшим образом достигается как раз на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если эти субрегионы действительно являются акторами международного экономического сотрудничества, то есть обладают возможностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты). Роль же государств в этом процессе заключается в создании условий, то есть поощрении установления таких связей, наделение микрорегионов большей автономией в международной сфере.

Необходимо осознать еще одну важную сторону сущности трансграничного региона. Он не есть регион в полном смысле этого слова, не является чем-то естественно сложившимся и изначально данным. Обычно «естественность» того или иного региона доказывается либо сходными географическими или культурными параметрами, которые «естественно» отделяют этот регион от соседних территорий. Следует отметить, что провозглашение некоторой совокупности территорий — «регионом» возможно лишь при наличии всех или части указанных признаков:

- Общности исторических судеб.
- Наличия свойственных только этой группе особенностей культуры (материальной и духовной).
- Географическое единство территории.
- Наличие некоторых общих тип экономики.
- Совместная работа в региональных международных организациях.

Трансграничный же регион появляется как политическая категория, политический проект или идея, и уже в дальнейшем он «оформляется» политическими и экономическими связями. Трансграничный регион может быть первоначально искусственным образованием. В дальнейшем он принимает те очертания, какие ему предписывают, начинает развиваться по схеме составленной трансграничными сообществами. Однако, зарождаясь искусственно, как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные очертания.

Действительно, построение региона с предметной точки зрения нуждается в некой стартовой точке, то есть той области, сотрудничество в которой казалось наиболее естественным и актуальным для всех сторон, участие которых было выгодно авторам проекта. В Европе подобной стартовой областью, как правило, избирается экономика. Действительно, трудно было найти более подходящего и приемлемого для всех катализатора сотрудничества,

необходимого для доказательства ценности создания того или иного трансграничного региона. Сказанное относится и к рассматриваемому нами трансграничному региону — территориально-политическому образованию «Ивангород-Нарва». Однако в рамках рассматриваемого региона для населения более важно жизнеобеспечение сопредельных территорий, поддержание элементарных средств к существованию для большинства населения с обеих сторон границы.

Строительство трансграничного региона невозможно и без пространственной оси, в данном случае не точки, а линии или даже полосы. Граница, пусть даже такая условная как в ЕС, есть база для взаимной региональной идентификации. В данном случае, почти 800-летняя граница является достаточным основанием для самоидентификации. Специфика границы состоит в том, что границы разделяют социальные общности (барьерная функция), однако эти разделяющие свойства вызывают необходимость во взаимодействии между людьми, порождают новые культурные и экономические связи, и, соответственно, новую социально-культурную стратификацию приграничного сообщества (контактная функция). В результате приграничное пространство следует анализировать как единое, структурируемое особенностями существующей границы.

Другим доказательством постепенного конструирования реального трансграничного региона является существование наднациональных и региональных институтов, служащих как институциональный костяк. Приграничные институты двух стран представляют собой форум для регулярных встреч участвующих акторов, и выработки совместных решений. Таким образом, конструирование международного трансграничного региона есть основной источник экономической взаимозависимости в регионе. При условии интенсивных экономических связей, и при слабой политической организации, для реального существования региона наличие интенсивных связей не достаточно. Необходимы региональные институты, причем выживаемость региона, уровень его интеграции находятся в прямой зависимости от степени прочности этих институтов. Важным вопросом является также определение, какого уровня институты необходимы. На наш взгляд, две плоскости сотрудничества трансграничных регионов предполагают необходимости существования как минимум двух региональных институтов: на государственном и субрегиональном уровне. Кроме того, существование этих институтов имеет смысл только в том случае, они объединяют реальных акторов трансграничной экономической системы. Регион может называться реально существующим, если он формирует организационную основу для политики внутри региона по спектру вопросов. Иными словами, наличие региона (а также его очертания) можно определить по числу программ и проектов и инициатив, исходной точкой которых является этот регион. Этот подход, на наш взгляд, также удобен для выяснения действительной формы трансграничного региона.

В самой общей форме факторами, обуславливающими притяжение региональных субъектов, являются:

- политические выгоды, получаемые от взаимного сотрудничества;
- необходимость объединения для достижения поставленных задач;
- идентичность, которая может выражаться в объединении по национальному признаку;
- общая история или ее ключевые элементы;
- географический фактор, на основе которого происходит объединение территориальных субъектов в регион.

Следует отметить, что в нашем конкретном случае нельзя в географической среде видеть единственную и даже главную причину конкретного формирования какой-либо общности. Река как особенность географической среды создала физико-географическую предпосылку. Но в рассматриваемом случае ИСТОРИЯ стала главной предпосылкой территориальной дифференциации культуры. В рамках школы социолокальных исследований, базовым понятием стали так называемые социолокальные группы. Определяемые как сочетание трех фундаментальных признаков:

1. совокупности индивидуумов, представляющих собой общину,
2. территории ее проживания,
3. свойственных ей особенностей культуры.

Иными словами для региональной идентификации в трансграничных общностях принципиально важным понятием является представление о территориальных связях (ТС). ТС. — связи возникающие на основе совместного или соседского проживания членов социальных групп различного масштаба и различной культурной идентификации.

В принципе создание границ возможно так же как строительство любого компонента политической организации общества (в данном случае имеющего пространственную привязку). Важно другое. После своего создания граница как бы начинает жить самостоятельно. На первый взгляд она «переопределяется» и приспосабливаются к политическим, социальным, экономическим условиям, в которых оказываются и, в свою очередь, изменяют их. На самом деле трансформации качества происходят не с границами, а с населением (социально-территориальными общностями) выходящими на новый этап региональной идентификации. При этом, конечно же, изменение статуса или места прохождения границы весьма значимо. Границы являются решающим фактором в формировании соответствующих территориальных сообществ. При этом они являются «точкой опоры» сразу для двух сообществ, находящихся по обе стороны границы. Сошлемся на предложенное социологом Энтони Гидденсом понятие — «time-space comparison», пространственно — временное сжатие.¹⁵

Следует обратить внимание и на некоторые экономические характеристики, например, связанные с ранжированием социально-статусных диспозиций по оси *центр — периферия*. В данном случае, конечно, оппозиция *центр*

---

¹⁵ Giddens A. The constitution of society. Oxford: Polity Press, 1997.

— *периферия* понимается не в пространственно-географическом отношении, а в связи близостью или удаленностью от средоточий разного рода ресурсов и взаимодействий.¹⁶ Поскольку социально-статусная приближенность к центрам облегчает доступ к разного рода ресурсам и возможностям деятельности, она способствует экономическому развитию. Социально-статусная вытесненность на периферию ограничивает доступ к ресурсам и возможностям и подкрепляет охранительную (или оборонительную), консервативную по сути, жизненную установку с вязанную с удержанием экономических и статусных позиций. Уникальным исключением может стать граница. Здесь географическая периферия не совпадает с социальной. Ивангород со своим десятитысячным населением и лежащей промышленностью демонстрирует адаптивные установки и готовность к переменам. («экзистенциальных оптимистов»), оказавшихся в социальных «центрах», и «негативных». (Иная ситуация в Нарве. Здесь население чувствует себя в географической и статусной периферии. Ранее в повседневной жизни не были значимы границы, ибо они не переструктурировали социальное пространство и, соответственно идентичность. Часть таких границ представляли границы административно-территориальные, которые, впрочем, не играли существенной роли в выборе идентификации).

История вопроса с XIII по вторую половину XIX века

Идентичность населения Нарвы и Ивангорода всегда будет определяться эффектами, которые связаны с границами разных эпох. Эти различия, конечно, со временем изменят свое значение, но, так или иначе, будут существовать подобно следствиям многих давно исчезнувших границ, все еще проявляющихся в различиях менталитетов, массовой культуры, диалектов или электорального поведения. Граница между РСФСР и ЭССР просуществовала, с изменениями, всего лишь 45 лет, однако сегодня она продолжает существовать в социальном и культурном отношении, и ее эффект будет чувствоваться еще долгое время. Это предпоследняя граница. Рассмотрим влияние предидущих.

До 20-х годов XIII в. какой-либо политической границы в современном понимании, ни в Принаровье, ни в Причудье не было, хотя р. Нарова и берег Чудского озера образуют своеобразную линию, устойчивый рубеж меняющихся культур, более прочный, чем этнополитические образования к западу

---

¹⁶ *Eisenstadt S.* Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York and London: Free Press, 1979; *Rokkan S.* Territories, Centers and Peripheries: Towards a Geoethnic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation within Western Europe, in Gottmann J (ed.) Centers and Penfery. Spacial Variation in Polities. London, 1980.

и востоку от него. Генрих Латышский описывая очередное военное столкновение в 1213 г. упоминает реку Нарова, как рубеж между землями эстонцев и владениями новгородцев. В 1240 г. в источниках впервые упоминается город и крепость Нарва. 5 апреля 1242 произошло важное событие вошедшее в историю как Ледовое побоище. Летом 1242 г. между Новгородской Республикой и Ливонским орденом заключается мир «по правде». Для понимания исторической ситуации того времени необходимо отметить, что понятия границы, мира «по правде», войны носили особый характер. Фактически границы не существовало и нападением считалось лишь нападение на населенный пункт понимаемый как «чужой». Войны носили характер набегов. Экономическое освоение территории в этот период практически не велось.

Ситуация изменилась к XIV в. когда р. Нарова представляла собой важный торговый путь и не менее важный военный рубеж. Нарва стала ганзейским городом и развивалась не менее интенсивно, чем Ревель. В 1349 г. Орден строит крепость на восточном берегу р. Нарова, но вскоре эту крепость разрушают новгородцы. Строительство этой крепости было вызвано стремлением Ордена установить контроль над рекой и, что не менее важно, закрепить плацдарм на восточном берегу. В этот период говорить о региональной идентификации населения приграничья сложно т. к. отсутствовали населенные пункты с российской стороны, да и Нарва скорее представляла собой выдвинутый вперед форпост, чем расселения.

В 1410 г. Псковская республика и Ливонский орден в Кирумпя (Дерптское епископство) заключили мир. По условиям мира, граница проходила «по старине», т. е. фактически на условиях 1242 года. Мир просуществовал недолго, и уже в 1411 г. боевые действия возобновились. В 1421 г. состоялась встреча мастера Ордена Селивестора и представителей Нарвы, Вендина, Феллина и Ревеля с одной стороны и послов новгородского князя Константина Дмитриевича. На этой встрече была достигнута договоренность о мире и определялась линия границы, которая прошла по р. Нарова. Вдоль границы запрещалось рубить лес, косить сено, запрещалось пропускать через границу войска третьих сторон. Русские купцы получили право свободной торговли в Ливонии. В договоренности вновь подчеркивалось, что они действуют по старине, т. е. так как было при Александре Невском. Данный договор представляет особый интерес, поскольку это, пожалуй, первый договор, где помимо непосредственно линии прохождения границы определялся еще и элементы пограничного и таможенного режима, характера экономического использования приграничья. Так было определено, что на р. Нарова сохранялся режим свободного судоходства для русских и ливонских судов.

В 1444 г. возобновились боевые действия Ливонского ордена с Новгородской и Псковской республиками, которые закончились только в 1448 г. Эта война не принесла особого успеха ни одной из сторон. По ее окончании возник важный документ: новгородско — ливонский договор о перемирии на 5 лет 1448 г. По условиям этого договора для решения спорных пограничных и торговых дел устанавливаются съезды представителей сторон. Место съездов фиксируется нейтральное: северо-северо-западнее с. Усть-Нарова (с. Гун-

гербург ныне Нарва-Йысуу), на левом берегу р. Наровы, в ее устье, на эстонской стороне, на о-вах Гофты в Нарвском заливе, в 2,5 км. от побережья. По условиям мирного договора 1448 г. между Новгородской республикой и Ливонским орденом устанавливается «вечный», 25-летний мир. В договоре содержится ссылка на договор 1421 г., как на новый исходный пункт для установления мира «по старине». В 1438 и 1444 гг. военные действия возобновлялись. Очевидной стала необходимость укрепления рубежей. Именно поэтому в 1492 г. при Иване III строится крепость Ивангород. В. П. Петренко справедливо определяет Ивангород, как «.... первый морской порт русского централизованного государства на Балтике, важный инструмент в борьбе московского правительства за ликвидацию монополии ганзейской торговли...»¹⁷.

Ивангородская крепость является, пожалуй, единственным крепостным ансамблем на северо-западе России, вокруг которого не возникло сколько-нибудь значительного поселения. Этот факт объясняется тем, что Ивангородская крепость находится на расстоянии «полета стрелы» от грозной нарвской крепости, находившейся в течение 500 лет под властью весьма недружественных к Руси государств. Следует отметить, что граница по реке Нарова является одной из наиболее устойчивых в Европе. Эта граница является важнейшим геополитическим рубежом в масштабе России, значение ее для северо-запада переоценить невозможно: в тех случаях, когда Ивангород оказывался во власти захватчиков, геополитическое равновесие нарушалось настолько серьезно, что под угрозой оказывались Ям и Копорье, Новгород и Псков, Ладога и Тихвин и даже Москва. Новый договор с Орденом 1521 г. подтвердил существующую границу. Н. Н. Бантыш-Каменский в своей работе «Обзор внешних связей России» приводит следующий текст, касающийся переговоров 1521 г. .... «аки приехали оть помянутого лифляндского магистра въ Новгородъ послы: Сююнь ванъ-Борть, Иоганъ Лоде Иван Дюкерь и Юрий Кавиерь просить перемирия которое 10 сентября съ нимъ и с магистром архиепископом рижским и с епископами дерптским и эзельским. Курляндским и ревелскимъ на 10 лет учинено при наместнике князя Александра Володимировича Ростовского». Условия же записи были чтобъ имъ, лифляндцам онюдь съ польским королем и великим князем литовскимъ въ союзы не вступать, и рубежу быть между России и Лифляндии, начиная из Чудского озера у стержнемъ реки Наровы и поперек острова, что пониже Иван-города и Ругодива на реке же Нарове, да въ Соленое море»¹⁸. В 1539 г. в Венеции выходит «Морская карта и описание северных земель Олауса Магнуса. На ней уже можно с достаточной степенью достоверности определить государственную принадлежность территорий в Прибалтике и общую конфигурацию границ. Границу можно идентифицировать по изображениям ливонских и русских воинов, стоящих друг напротив друга по обе стороны лесной полосы, а также надписям: «Esthia» — западнее и «Russia regalis nigra» — восточ-

---

¹⁷ Петренко В.П. Археологическое изучение Ивангорода в сб: Нарва, Ивангород, Принаровье: взаимодействие культур. История и археология. Нарва, 1989, с.42.

¹⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних связей России. Т.3. М. 1867 г., с.64.

нее лесной полосы. В конце XVI–XVII века на всех картах граница Русского государства и Ливонии показывается практически одинаково и с достаточной степенью точности. На карте Иоанна Портантио «Livonia nova descriptio» 1573 г. граница проходит по реке Нарове, Псковскому и Чудскому озерам, по реке Великой.

Показательно мнение эстонских историков по поводу границы. Профессор Э. Маттисенн обобщая мнения своих коллег, в фундаментальной монографии «Эстония–Россия: история границы и ее проблемы» отмечает: «Первые более-менее определенные восточные границы эстонской территории были установлены завоевателями, разделившими Эстонию между Орденом меченосцев, Датским королевством и епископами. Одновременно западная агрессия на восток была на продолжительное время приостановлена по линии: река Нарва — Чудское озеро — Вастселийна. Это подтверждается и основанием укрепленных замков в Нарве, Васькнарве, Вастселийна. Мариенбурге (в северной Латвии), Кирумпяэ, и Хяргмяэ, на что русские ответили сооружением на финноугорских землях крепостей Копорье, Ивангород, Изборск (реконструкция) и других, более мелких. Затем последовали и другие разделы эстонских земель между завоевателями, пока шведские власти не образовали Эстляндскую и Лифляндскую губернии, которые сохранились примерно в тех же границах и после Северной войны, при российской власти.»¹⁹. Таким образом видно, что позиции эстонских и российских историков в значительной степени совпадают.

Начало нового этапа в истории этого региона приходится на вторую половину XIV в., когда Московское государство предприняло попытку установить контроль над Ливонией и в 1558 г. начало Ливонскую войну. Интересно, что одной из причин начала войны это препятствия, чинимые Ливонским орденом в связях Московского княжества с Европой. Для целей данного исследования важно, что захватив Нарву Иван Грозный подтвердил права и привилегии города в торговле, не допустил его разграбления и насилия над жителями, провозгласил Нарву портом Московского царства и предоставил городу налоговые льготы. При этом ливонские крепости в глубине современной Эстонии сжигались и разрушались беспощадно. Нарвские краеведы конца XX века даже сравнивают привилегии города при Иване Грозном со статусом СЭЗ.

В течение русского правления, продолжавшегося 23 года, Нарва и Ивангород представляли собой единое целое, дополняя друг друга. Для большего сближения городов, между ними через реку был построен деревянный мост, который находился чуть севернее теперешнего. Экономическая жизнь городов-близнецов получила невиданное доселе развитие. Нарва и Ивангород превратились в порты мирового значения. К их стенам приходили корабли из Дании, Англии, Шотландии, Голландии, Франции и даже из городов враждебного Ганзейского Союза. В 1567 г. одних любекских кораблей здесь было 33, в 1570 г. — 40. В июне 1570 г. у Нарвы стояло до 130 кораблей. В своих

---

¹⁹ Маттисенн Э. Эстония-Россия: история границы и ее проблемы. Таллинн, 1995, с.18.

трюмах они привозили оружие, боеприпасы, соль, сельдь, пряности, напитки, полотна, бархат, шелк, сукна и т. д, а увозили мачтовый лес, хлеб, лен, пеньку, сало, воск, мед, кожи и другие русские товары.

В 1583 г. был заключен Плюсский мир законодательно закрепивший изменение границы и переход Ивангорода и других крепостей шведам новому противнику России на западных рубежах. Характерно, что к этому моменту в международном сообществе река Нарова приобрела репутацию традиционного политического раздела, естественной западной границы России. А. Поссевино — папский нунций в России в период русско-шведских переговоров выступил в качестве посредника и передал Ивану 1У следующие условия от польского короля Стефана: «что касается Нарвы и других городов, занятых королем шведским послы короля польского заявили, что его величество будет добиваться того, что Ливония отделяется рекой Нарвой.»²⁰ Таким образом, польский король выступает за границу по реке. Не следует объяснять это обстоятельство только обеспокоенностью Польши чрезмерными территориальными претензиями Швеции и нарушением баланса сил в Балтийском регионе. Аналогичным образом граница охарактеризована и показана на многочисленном картографическом материале в монографии известного немецкого историка Норберта Ангермана²¹ Однако в дальнейшем, Россия была вынуждена «навсегда» отказаться от притязаний на города Нарва и Ревель (Тявзинский мир 1595 г.). В 1617 Столбовой мир закрепил переход крепостей Ивангород, Ям, Копорье и Орешек под власть Швеции. Литературно-историческим памятником этого времени является «Плач по реке Нарове» (1665) написанный в Стокгольме приехавшим из Нарвы (Ругодива) русским Леонтием Петровичем Белоусом. В документе дается картина жизни Нарвы и Ревеля шведского времени.²²

Как известно раскол русской церкви на официальную православную и старообрядческую произошел после 1666 г. Церковные источники свидетельствуют, что на территорию Эстонии «за шведский рубеж первым из расколотых учителей пришел, сколь известно, какой-то Тимошка с пятьюдесятью или более человек крестьян, которых он перекрестил и увлек с целыми семьями за собой. В 1684—1685 гг. туда же бежали многие другие крестьяне и бобыли из разных волостей и погостов новгородских, увлеченные расколом». Поселившись неподалеку от р. Наровы, они «не прерывали сношений с новгородскими своими братьями и поддерживали друг друга».

Эффект действия границы за этот период сводится к следующему:

1. Граница получила четкое оформление на местности.
2. Сформировалось устойчивое полинациональное население. Причем русские около 300—500 человек проживали в Нарве. Ивангород с округой, размещенный на землях води также имел смешанное население.

²⁰ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983, с. 180.

²¹ *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Grozny's Marburg. 1972, p. 88.

²² *Лихачев Д.С.* Плач о реке Нарове 1665 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VI. М.-Л., 1948.

3. Мультикультурное пространство определялось фоновым угро-финским контекстом и двумя внешними интрузиями славянской и немецко-шведской.

4. Экономические отношения в приграничье складывались в сложных условиях однако в ряде случаев приоритеты экономического сотрудничества оказались сильнее логики конфронтации.

5. Дихотомическое конструирование пространства, которое вызывает граница, обусловило наличие отношений между обеими сторонами приграничья — не важно, конфронтация ли это, кооперация или игнорирование — и неизбежное формирование нового единства. Указанная граница оказалось четко позиционированной в сознании населения как рубеж предполагающий существование «иного» и враждебного мира.

30 августа 1721 года со Швецией был заключен Ништадтский мирный договор, по которому Россия получила побережье Балтийского моря от Выборга до Риги: часть Карелии, Ингрию, Эстляндию и Лифляндию с островами Эзель, Даго. «Е. к. в. свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свойского престола и королевства Свейского е. ц. в. и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез е. ц. в. оружия от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями: Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманландским берегам и на стороне Оста от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне Зюйда и Оста лежащими островами, со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями и генерально со всеми принадлежностями, и что ко оным зависит высочествами, правами и прибытками во всем ничего в том не исключая, и как оными корона свейская владела, пользовалась и употребляла.»²³

В 1708 г. В Российской империи были образованы первые губернии (Именной указ Петра I «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов»). В 1719 году Нарву присоединили к Петербургской губернии. Вместе с тем, она оставалась главным городом «провинции Нарвской». Во времена своего короткого царствования Павел I приказал изъять Нарву от вхождения в состав какой-либо губернии, а земли, которые доселе, по распоряжению Екатерины II, составляли Нарвский уезд, вернуть тем губерниям, которым они раньше принадлежали. Городу, — приказал Павел, оставить лишь те земли, которые он имел до включения в состав Петербургской гу-

---

²³ Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992, с. 121.

бернии. Так как Павел, сев на троп, нередко отменял законы, установленные его матерью Екатериной II, так и сын Павла — Александр I вскоре после воцарения, 1802 году отменил указ своего отца относительно Нарвы и вновь причислил город к Петербургской губернии. Но в судебном отношении Нарву подчинили соответствующим ревельским учреждениям т. е. сохранили в зоне действия особого ост-зейского порядка. Однако, после создания в 1764 году местных (земских) самоуправлений Нарву поставили в зависимость от земства Ямбурга, уездного города Петербургской губернии. Ивангород же не обладал каким либо особым статусом поскольку с 1648 г. по 1917 г. находился в административном подчинении г. Нарва как удаленная часть города — форштадт.

Как уже было отмечено Нарвская крепость послужила с 1558 года по 1581 главным центром торговли России с Европой и получила уже в 1558 году особый экономический и политический статус. Аналогичным образом поступил и Петр I в 1704 году. Однако в 1724 году Ревель посетили 62 корабля, Нарву — 115, Петербург 140.²⁴ В Нарве, Ивангороде и предместьях в 1718 было около 4000 жителей, включая сюда и гарнизон крепостей, насчитывавший более 1400 человек. При этом по данным 1782 года, в одной Нарве насчитывалось 1270 гражданских жителей (обою пола), в том числе около 900 немцев. В 1717 г. по указу Петра в городе был основан кожевенный завод. К семидесятым годам XVIII века в Нарве были байковая фабрика, кожевенный, канатный, кирпичный заводы, 3 мучные и 6 пильных мельниц. Немецкое население города сохранило свои средневековые льготы. Все управление городом находилось в руках магистрата, состоявшего из немецких купцов и богатых ремесленников Закон о реформе городского самоуправления 1780 года почти не коснулся Нарвы. Только русским купцам разрешалось выбирать бургомистра и ратманов отдельным списком. Лишь в 1785 году право участия в управлении городом получили русские купцы и промышленники Нарвы. В ведении магистрата находились местная полиция, школа, госпиталь, брандмейстер, архитектор и другие городские служащие, общим числом до 52 человек. Сохранились данные о численности и составе населения города в 1865 году. Тогда в Нарве, вместе с предместьями и воинским гарнизоном (проживало 6003 жителей, в том числе 366 дворян, «почетных граждан» и купцов — 285, мещан и «цеховых» (т. е. ремесленников) — 2164, крестьян — 1006, «регулярного войска» — 715 человек.

Произошедшие исторические события отразились на картах. В «Российском атласе из 44 карт, состоящем и на 42 наместничества империю разделяющем» вышедшем в 1792 г. границы Рижского и Ревельского наместничеств, образованных на территории Эстляндии и Лифляндии с С-Петербургской губернией и Псковским наместничеством в некоторых местах изменены. Начинаясь от Нарвского залива, граница идет по реке Нарове, включая город Нарву и окрестности в С-Петербургскую губернию, затем по западному берегу Чудского и Псковского озера до устья реки Вярска. Такое

---

²⁴ Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. М., 1948, с. 211.

положение границы Между Эстляндией и Лифляндией с одной стороны, и С.-Петербургской и Псковской губерниями с другой оставалось неизменным вплоть до 1920 года. Это подтверждают следующие карты: «General Charte von Livland» G. G. Rucker, 1836., Dorpat и «Karte von Ehistland» J. H. Schmidt, Reval 1884.

* * *

Становление мультикультурности в Нарве связано с развитием промышленности. Наряду с текстильной промышленностью, в городе, развивалась металлургия, лесопиление. В 1879 г. в Нарве было сосредоточено 64%, в 1894 г. — около 55% промышленных рабочих Эстонии. Только на Кренгольме к 1913 г. насчитывалось более 12 тыс. рабочих, а всего в городе к этому времени было занято в промышленности около 18 000 человек.

В начале XX века Нарву населяло (в городских границах) около 20 тысяч жителей. Но фактически в Нарве вместе с ее пригородами проживало около 45 тысяч человек. При этом обращает на себя внимание поразительная административная и этническая мозаичность.

Так, к Нарве прилегли в пределах Эстляндской губернии:

1) «Городообразная местность» Иоахимсталь, с населением приблизительно в 7 тысяч человек, почти исключительно эстонцев. Местность Иоахимсталь принадлежала Везенбергскому уезду Эстляндской губернии. Но примыкавший к Иоахимсталью со стороны северо-запада Петровский форштадт имел то же административное подчинение, что и Нарва.

2) Район Кренгольмской мануфактуры с населением около 9 тысяч человек («также почти исключительно эстонцев»). Эта местность, застроенная многочисленными производственными и жилыми зданиями, отделялась от Иоахимсталя железнодорожным полотном и простиралась к югу, вверх по течению Нарвы до деревни Кулга, занимая значительную часть деревни Иоала Везенбергского уезда.

3) Поселки Кадастик и Паэмурру на земле имения Малая Сольдина, с чисто эстонским населением приблизительно 1000 человек. Имение это, принадлежавшее помещику, Эриху Веберу, находилось несколько западнее Иоахимсталя, но относилось также к Везенбергскому уезду.

4) Местность, примыкающая к Нарвскому форштадту (предместью), ниже города по течению Царевы, вплоть до деревни Вепскюль. Население этой местности насчитывало около 300 человек, преимущественно эстонцев.

Кроме того, в пределах С.-Петербургской губернии к Нарве прилегли некоторые местности Ямбургского уезда:

- на левом берегу Наровы поселок «Нетеберг». В нем проживало около 300 человек, исключительно эстонцев;
- на правом берегу Наровы поселок «Ново-Ивановск» с населением около тысячи человек, преимущественно русским. Этот поселок яв-

лялся непосредственным продолжением Ивангородского форштадта Нарвы, по тракту на Гдов;

- там же, на правом берегу Наровы — Льнопрядильная и Суконная мануфактуры с населением приблизительно в 6 000 человек, большей частью русскими;
- еще один поселок, примыкавший к Ивангородскому форштадту по Ямбургскому (Петербургскому) тракту с русским населением приблизительно в 100 человек.

Итак, по данным переписи населения 1897 года, Нарва уже имела 16599 жителей, в том числе 7313 эстонцев, 7287 русских, 1000 немцев, 461 еврей, 345 поляков, 99 финнов и 94 представителя других национальностей. Но после этой переписи к 1917 году население Нарвы еще значительно возросло за счет переселения, в город многих эстонцев из соседних уездов Эстляндской губернии. В этот период Нарва служила точкой межкультурной коммуникации прежде всего между русскими и эстонцами. И для эстонцев и для русских Нарва с ее сложным правовым режимом представлялась идеальным местом для изменения социальной, профессиональной и даже культурной стратификации. Именно в Нарве эстонец пришедший на заработки учил русский язык, узнавал о существовании иного не «ост-зейского» законодательства, и в дальнейшем часто уходил на заработки в Петербург.

Подводя некоторые итоги по данному вопросу о границах и его роли в истории Эстонии и России, еще раз подчеркнем наиболее важные моменты:

1. Киевская Русь — Новгородская феодальная республика — Псковская феодальная республика — Российская Империя сохраняли контроль над территорией восточнее линии р. Нарова — Чудское — Псковское озеро в течение примерно 900 лет.

2. Указанная граница представляется одним из наиболее древних и устойчивых геополитических рубежей в Восточной Европе.

3. В качестве противников русского государства выступали различные государства и политические образования, однако ни одно из них не являлось собственно эстонским.

4. Отмеченный пограничный рубеж носил не межрегиональный или даже межстрановой характер. Граница по р. Нарова и далее фактически стала цивилизационным рубежом разделившим собственно российскую и западную цивилизацию. Устойчивость этого рубежа подтверждается тем, что в конце XX века граница в своем прежнем качестве достаточно легко (в историческом плане) вернулась к прежнему прохождению.

5. Политическое значение рубежа до 1721 года сочетается с ролью Нарвы как центра административной границы. С 1721 по 1920 год граница меняет свое качество и коммуникативная функция становится преобладающей.

После Февральской революции 1917 года в России Временное Правительство приняло проект эстонских политических деятелей о самоуправлении и решило объединить все этнические эстонские земли в рамках Эстляндской губернии (до этого времени часть исторической эстонской территории входила в состав Лифляндии). Закон об эстонском самоуправлении вступил в силу 30 марта 1917 года. Тогда же был создан Губернский Земский совет, первый в истории Эстонии национальный институт власти, деятельность которого продолжалась до октябрьской революции 1917 года. Был принят т. н. «Манифест ко всем народам Эстонии». В документе, и сегодня являющемся краеугольным камнем эстонской государственности, отмечено: «Все граждане Эстонии, независимо от их вероисповедания, национальности и политических взглядов, находятся в равной степени под защитой законов и судов республики. Всем национальным меньшинствам, проживающим на территории республики — русским, немцам, шведам, евреям и другим — обеспечивается право на национальную и культурную автономию.» 24 февраля 1918 г.²⁵ В 1919 году, когда в ходе Версальской конференции проблема эстонской независимости приобрела международное значение, установились напряженные отношения между эстонским правительством и правительством Колчака в связи с нежеланием последнего признавать независимость эстонского государства. Вмешательство британских союзников и создания Северо-Западного правительства России способствовало относительному урегулированию проблем, включая отношения между эстонским правительством и северо-западной армией Юденича, частично дислоцированной в Эстонии. «Урегулирование» привело к гибели не менее 10.000 солдат и офицеров армии в нетопленных бараках под слоем тифозных вшей. Пострадали и беженцы.²⁶

Однако давая жесткую оценку эстонской политики следует помнить то, что во-первых Юденич неоднократно заявлял «взяв Петроград пойду и разгону картофельную республику», во-вторых Эстония в этот период еще не сформировалась как государство с определенными экономическими возможностями. Именно поэтому следует сослаться на мнение беженца сына петроградского купца прошедшего путь отступления от Павловска до Ревеля. Посмотрим на реакцию, оценку факта выхода к Нарве. «Лишь только рассвело, мы поспешили выбраться из надоевшего барака и немедленно стали собираться в путь. Забрав свои мешки, мы медленно пошли по дороге и вскоре подошли к проволочным заграждениям с проделанными в них воротами. Около этих ворот мы впервые увидели эстонских солдат в лице двух часовых в темных шинелях и фуражках с бело-сине-черными кокардами офицерского типа. Вскоре мы оказались на одной из улиц Ивангорода, прибрежного пригорода Нарвы. Направо и налево тянулись заборы, деревянные дома посте-

²⁵ Радуга. 1990. № 2. С. 1–3.

²⁶ Юденич под Петроградом. Л., 1927; Г.И. Гроссен. Агония Северо-Западной армии Новый журнал №8. 1991. №1–2. 1992; Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг.

пенно улучшавшиеся по мере приближения к реке. Начали попадаться вывески, преимущественно русские, с такими для нас, выходцев из «советского рая», дикими надписями, как «чайная», «трактир», «торговля разными продуктами» и т. д. Как-то вдруг почувствовалось, что мы вступили в другой мир, резко отличный от того, который остался сзади, за проволокой, и что эта проволока окончательно ставила границу между нами и большевиками. (30 октября 1919 г.)²⁷

Эстония занимала довольно осторожную позицию по отношению к белому движению России, опасаясь потерять приобретенную независимость в случае его победы. В совместных с белыми военных действиях против большевиков эстонцы участвовали только преследуя собственные интересы. Именно поэтому на двадцатилетний период (1920-1940) отношения двух общин оказались связаны с реакцией Эстонии на белую армию Юденича.

Тартуский мирный договор, заключенный правительствами обеих стран 2 февраля 1920 года, послужил основой межгосударственных отношений между Эстонией и Советской Россией (с 1922 года — СССР). Этому акту предшествовало военное противостояние, сохранявшееся с марта 1919 года, когда эстонская армия ликвидировала большевистский режим в северо-восточной Эстонии. Договор включал признание независимости и суверенитета Эстонии, делимитацию государственной границы между Россией и Эстонией, практически совпадавшей с линией фронта, решение военных, социальных и экономических проблем, установление основ межгосударственных отношений. Российская сторона признавала также и гарантировала уважение эстонского нейтралитета.

В 1881 г. была проведена первая перепись населения Лифляндии и Эстонии, а в 1887 г. первая перепись населения Российской империи, в том числе Эстонии и Лифляндии. Эти переписи дают уже детальную картину национального состава этих территорий. При этом следует принять в расчет, что по данным этой переписи воссоздается картина населения 9 эстонских уездов (Харью-, Лязне-, Виру-, Ярва-, Тарту-, Выру-, Вильянди-, Пярну-и Сааремаа) — без Нарвы, двух третей Валги, западной Сетумаа и некоторых территорий бывших так называемых латвийских уездов, которые ныне находятся в границах Эстонии. На этих территориях жило в общей сложности около 35 тыс. человек. И потом, перепись 1897 г. содержит данные не о национальности, а только о родном языке, т. е. делит людей по признаку родного языка. Следовательно, число эстонцев в 1897 г. было на несколько тысяч больше (в основном, за счет онемеченных эстонцев). В 1881 г. в девяти эстонских губерниях было 882 тыс. жителей, в 1897 — 958,4 тыс. В современных границах Эстонии в 1897 г. жило 993 тыс. человек. Горожан было 173 тыс. или 17% (включая Нарву и 2/3 Валги). Эстонцы составляли 90,6% населения, русские — 4% немцы — 3,5%, шведы — 0,6%, латыши — 0,6%, и евреи — 0,4%. По сравнению с переписью 1881 г. удельный вес русских несколько вырос (в 1881 г. их было 3,3%), а немцев — уменьшился (в 1881 г. их

---

²⁷ Сидяков С.Н. Летопись беженства//Балтийский архив Таллинн 1997 с.283.

было 5,3%). Удельный вес пришлого населения был еще низок. В 1897 г. удельный вес родившихся в Эстляндской губернии превышал 94%, выходцев из других губерний было 5,2%, из-за границы 0,2%. Но так как северную и южную Эстонию разделяли границы между губерниями, то пришедших из-за пределов Эстонии могло быть лишь 2—3%. Много эстонцев было и за пределами Эстонии. В 1897 г. в Российской империи же жило 1 002 700 эстонцев. В Эстонии проживало выходцев из славян (русские, украинцев, белорусов) в 1881 году 3,3%, в 1987 году – 4%, в 1922 году — 4,7 процента.

Представления о реальных отношениях между эстонцами и русскими в период 1920–1940 годов можно получить, обращаясь к мемуарам, литературе и прессе того периода. Большинство оценок, данных русской эмиграцией, были негативными: русские не могли принять так называемый национализм эстонцев, проявлявшийся как в государственной политике, так и в межэтнических отношениях. Эстонцы произвели определенное «замыкание» своей этнической и культурной общности, хотя в Нарве этот процесс шел очень медленно и к 1940 году не завершился. Русские, немцы и даже финны в Нарве стали менять имена и фамилии (переводить на эстонский язык) Нет данных о том, что это сознательный агрессивный национализм, скорее это связано с прагматическими расчетами на лучшие условия для социальной и профессиональной карьеры.

В конце 1920-х годов прошел массовый выезд из Эстонии большого количества русских эмигрантов (лишь в Талинне и Нарве сохранились именно беженские диаспоры). Получил развитие и процесс формирования русско-эстонского двуязычия в русской диаспоре.

В 1939 году в нынешних границах Эстонии их было не более 5%, в границах буржуазной Эстонии — 8,2%. Кстати, до 1940 года в Эстонии проживали представители 51 национальности. Русские жили в Печерах — 40,9% жителей и Печорском уезде — 65%, Нарве 29,7% в волостях, лежавших за рекой Наровой в Причудье в Калласте – 88%, в Муствеэ – 62,9%. В других районах Эстонии русских было мало в Таллинне — 5,8%, в Тарту — 4,5%, в Пярну — 2,3%, в Валга — 3,4%, в Вильянди — 1,7%, в Раквере — 3,6%. Несколько цифр о Нарве. На Тартусской конференции в 1919–1920 годах было признано, что в этом городе проживает 30 тысяч человек. Его национальный состав с учетом Ивангорода был таков: эстонцев — 44%, русских — 43,9, финнов — 0,6, других национальностей — 11,5%. В 1922 году в Нарве проживало 26 124 человека. Эстонцев было 67%, русских—23,2, немцев 1,2% латышей — 0,3% других национальностей — 3,3%. Примерно такое соотношение сохранялось до 1940 года.

Граница не разрушила прежде единого социального пространства Нарвы и Ивангорода. Наоборот, граница существовавшая до 1945 года создала это пороговое пространство. Это связано, прежде всего с тем, что была разрушена привычная и освоенная зона повседневности. Теперь уже практически

невозможно жить в одном приграничном городе, а учиться, работать или хоронить близких в другом, как это было раньше. Прежняя структура социальных сетей, повседневные практики людей не сколько разрушилась сколько качественно изменились. Изменилась и оценка границы как образа. Вместе с тем и сегодня Нарвская крепость является большим мест-образом чем совокупность таможенников и пограничников двух стран. В уже упомянутых воспоминаниях Сидякова отмечается, что еще до революции совершая поездки из Петербурга на дачи Гугенбурга (Усть-Нарва) т. е. пересекая формальную административную границу они переходили и некоторую культурную границу, которую они соотносили с административной. Эта псевдограница часто не играла роли в повседневной жизни, однако символическая иерархия пространства имела для людей определенное значение не только в 1945 н. в., но и в рамках Империи. В советские годы Эстония воспринималась советским человеком как «домашняя заграница». (Известен анекдот о баскетбольной команде с Урала попросившей в Таллинне политического убежища). Реальность границы в советское время постоянно воспроизводилась, в основе это связано не экономикой, а с мифологизированными культурными различиями присутствующими в повседневной культуре порубежья России и Эстонии. Через воспроизводство стереотипов воспроизводилась и граница. Несмотря на отсутствие значимых экономических различий в жизни населения по обе стороны пограничной реки Наровы.

Граница становится принципиальным фактором, формирующим социальную структуру приграничного региона. Она не только и не столько делит сообщества по разные стороны рубежа, но диктует определенную логику формирования внутренних границ сообществ: по языку, этничности, гражданству, профессии, статусу, поколениям и т. д. Например, сейчас поколенческая граница в населении Нарвы или Ивангорода проходит не только между социализировавшимися в советское либо в постсоветское время, но и между теми, чья юношеская социализация прошла до или после появления границы. Профессиональные сообщества, чья деятельность связана с границей, наделяются особым статусом и ресурсами. Государственная граница всегда ставит вопрос лояльности граждан. И даже когда существование границы не подвергается сомнению, существует потенциальный конфликт между государством и индивидом. При достаточно открытых границах, подобных описываемым здесь, жизнь на периферии государства означает как некоторые ограничения, так и некоторые дополнительные возможности. Государство и контролируемые им организации пытаются использовать преимущества, которые дает граница.

Экономические аспекты идентичности в советский период создавали были существенно иными. Государство, выстраивая иерархию регионов, распределяя (участвуя в распределении) между ними сил развития производило «сборку» всей страны, исходя из общенациональных целей, а потому не могло быть заменено в этом деле частными лицами и организациями. Основным способом помыслить регионализацию общества был экономический расчет издержек, связанных с распределением по территории страны произ-

водительных сил. Приоритет в развитии обеспечивался не регионам или республикам а отдельным отраслям или технологическим комплексам — всей стране в целом. Нарва и Ивангород принадлежали разным советским республикам. С другой стороны, они представляли собой фактически единый город с общим пространством, с единой инфраструктурой, единым рынком труда. Именно поэтому в Нарве и Ивангороде оказались одни очистные сооружения, водозабор и АТП. Для организации жизни важна была ведомственная принадлежность. Иерархия промышленных предприятий (по отраслям и по уровню подчинения) приводила к иерархии статусов. Так энергетики в Нарве и Ивангороде жили хорошо учителя — плохо.

Сегодня хозяйство региона демонстрирует иные тенденции. У учителей ивангорода нет безработицы равно как и стимулов к труду. С другой стороны в Нарве профессия учителя приобрела социальный статус известный в России разве-что в самом начале 20-го века.

Сельское хозяйство в приграничных районах демонстрирует действие указанной тенденции. Как известно, наше владение, особенно землей, если верны некоторые интерпретации территориального инстинкта, очень важно для поддержания идентичности.²⁸ Мнение эксперта подтверждается тем, что в Нарве и далее в глубь Ида-Вирумаа хуторской тип расселения и принцип индивидуального владения землей распространился от эстонцев к русским. В Ивангороде действует традиционный еще советский подход.

Бизнес русских в Эстонии проблематичен сам по себе. Особенно сложен он в Нарве. Здесь психологическое неприятие русскими эстонской экономической политики, а так же убеждение в том, что реконструирование экономики страны произошло максимально за счет русских.²⁹ Только небольшому количеству молодых людей и представителей среднего поколения удалось приспособиться к новым экономическим условиям и использовать новые возможности для своих целей. Однако, частный сектор в русской общине не столь многочислен, как в эстонской. Нарва, однако, является исключением. Русские бизнесмены слабо представлены в корпоративных объединениях собственно в Эстонии и в основном работают на географической периферии эстонского рынка.

* * *

Отношения между эстонцами и русскими в советский период можно в целом определить как параллельное развитие, сосуществование «открытой» (русской) и «закрытой» (эстонской) общин. Основные различия между ними коренились в несовпадении представлений о национальной идентичности: эт-

---

²⁸ Curle A. Mystics and militants. A study of awareness, identity and social action. – London: Tavistock publication, 1972. IX, p.121.

²⁹ См, например, Русские в странах Балтии: настоящее и будущее //Материалы международной конференции 5–6 апреля 1997 года. Таллинн, 1998.

но-культурная идентичность эстонцев и государственная идентичность русских³⁰.

В отношении русских к эстонцам господствовали три основных стереотипа:

- интернационалистический — эстонцы как неотъемлемая часть братского советского народа;
- интеллектуально-либеральный — эстонцы как носители западной культуры;
- националистический — эстонцы, как малая нация, нуждающаяся в русском покровительстве.

В свою очередь эстонцы осознавали себя преимущественно носителями западной культуры, отмечая в русских черты разрушителей цивилизации. Большинство русских иммигрантов представлялось им людьми низкого культурного и образовательного уровня, несущими угрозу существованию эстонской нации.

Не случайно основной идеей открытого протеста эстонской интеллигенции (письмо сорока в октябре 1980 года) была защита Эстонии в терминах языка и культуры. В письме содержалось требование того, чтобы русские в адекватной степени владели бы эстонским языком и имели бы представление об эстонской культуре, что способствовало бы преодолению раздельного сосуществования двух общин.

Как уже отмечалось, для малого народа особую важность представляет сохранение национальной идентичности. Большие народы обычно придают этому меньше значения, не ощущая угрозы самим основам своего существования. Русских, поселившихся за пределами России, не заботила их национальная идентичность, защиту которой обеспечивали союзное государство, приоритет русского языка и русское доминирование в структурах власти по всей территории СССР. Это, как считают некоторые исследователи, привело к появлению «экстранационального» мышления русских, которое выражалось в безразличии к национально-культурным аспектам социальной жизни и в неспособности понимать важность национальной идентичности для других народов.³¹

Среди эстонцев встречается мнение, что такой большой процент населения некоренной национальности угрожает безопасности Эстонской Республики. В чем же видят эстонцы эту угрозу? Во-первых, в Эстонии существует реальный и подсознательный страх культурной экспансии русских. В этом свете эстонцы часто рассматривают проживающих в Эстонии русских как «пятую колонну», угрожающую развитию их национальной культуры. Во-вторых, слишком ярко видна разница менталитетов этих двух народов. Эстонцы считают трудным и неприятным иметь дело с «русской ментальностью», часто сформировавшейся в советский период, а также с «русским

---

³⁰ Kirch, Marica; Kirch, Aksel. Search for Security in Estonia: New Identity Architecture //Security Dialogue. 1995. Vol.26. No. 4, pp.439–448.

³¹ Vares P. Eestimaa ja Venemaa, eestlased ja venelased - dialoog. Tallinn, 1996, lk. 41.

образом жизни». Коллективизм, экстравертность, шумная деятельность, громкая музыка из открытых окон, беспорядок на руководимых русскими предприятиях, русская готовность создавать проблемы и очереди по любому случаю вызывают раздражение у эстонцев.

Советская идеология вынуждала сопоставлять СССР с Россией, а советского гражданина с русским. Это оказывало влияние на большую часть русских — проведенные в 1986 году известными социологами исследования показали, что 78% из них определяли себя как советские, и только 17% — как русские. Из эстонцев по национальной принадлежности определилось 90%. В современной ситуации русскоязычному населению трудно идентифицировать себя. Идентификация, сходная с самоидентификацией эстонцев характерна примерно для половины русскоязычного населения Эстонии: только 2% русских чувствуют себя связанными с эстонской культурой, 48% стремятся в культурное пространство Европы.³²

Непростые отношения между эстонской и русской общинами связаны с отсутствием внутренней политики, приемлемой для обеих сторон, причиной чего послужил ряд факторов и тенденций. К числу наиболее важных факторов относится тот факт, что в советское время общее пространство межнационального взаимодействия не сложилось, две общины сосуществовали параллельно, а в настоящее время произошло дальнейшее дистанцирование эстонского и русского «субобществ», особенно виден этот процесс на границе.

Представление эстонцев о русскоязычной общине обладают характерной чертой национальных стереотипов: русскоязычная община в Эстонии воспринимается как нечто единое, хотя на самом деле она не является однородной ни в этническом, ни в языковом, ни в культурном отношении. Эстонцы не только уверены, что русский этнос представляет угрозу для Эстонии, восстанавливающей национальную идентичность но, возможно, как это часто происходило в истории в период национального возрождения, подсознательно нуждаются в образе «чужого», который помогает националистической мобилизации в процессе создания государственности. В следствии чего, важным критерием для принятия решений по этническим вопросам для эстонских политических деятелей послужили их убеждения, что они продолжают традиции предвоенной Эстонии (эти убеждения разделяли и многие избиратели). Действительно, была создана такая ситуация, что этнополитические процессы в Эстонии мало отличаются от тех, что характеризовали первый период независимости. Их можно даже воспринимать как продолжение тенденций прошлого Эстонии без каких-либо принципиальных изменений, несмотря на существенные различия во внутри- и внешнеполитической сферах.

В настоящее время в Эстонии, во многом под давлением Запада, всерьез стал рассматриваться вопрос об интеграции неграждан. С помощью международных организаций были разработаны программы преподавания эстонского языка, культуры и истории. Финансирование этих программ в основном осуществляется за счет средств, предоставляемых США, Финляндией,

---

³² *Kirch Marica; Kirch Aksel. Search for Security in Estonia: New Identity Architecture. Security Dialogue. 1995, Vol. 26. N.4. pp. 439-448.*

Швецией. Как правило, интеграция понимается как совокупность процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность.

В работе характеристика происходящих в Эстонии интеграционных процессов и тенденций дается с позиций оценки следующих факторов:

- численность проживающих в Эстонии неэстонцев — около 35% от общей численности населения, в том числе русских — около 30%;
- невладение значительной части неэстонцев языком государства своего проживания (эстонским) — около 75-80%;
- социально-экономическая ситуация и социально-экономическое положение в среде неэстонской части населения Эстонии;
- ситуация в области гражданской определенности, сложившаяся в среде неэстонцев, проживающих в Эстонии: около 22% из них имеют гражданство ЭР, около 25% — гражданство России, более 50% — не имеют определенной гражданской принадлежности, оставаясь на сегодняшний день в статусе лиц без гражданства. Динамика роста среди неэстонцев граждан России значительно опережает динамику роста граждан ЭР;
- граждане ЭР в решении своих проблем не рассчитывают на помощь со сторон правительства РФ, рассчитывая лишь на правительство ЭР. Лица без гражданства в большинстве своем не рассчитывают на помощь правительств РФ в решении своих проблем. И в равной мере как рассчитывают, так и не рассчитывают на помощь правительств ЭР. Граждане РФ, в большинстве своем в равной степени рассчитывают на помощь правительства РФ, так и не рассчитывают на помощь правительства ЭР.
- наличие в Эстонии мест концентрированного и компактного проживания неэстонцев. Около 30% — на Северо-Востоке Эстонии, в том числе от 15 до 17% — в одном городе Нарва;
- особенности региональной идентификации эстонской и неэстонской части населения Эстонии.

Попытки ассимилировать культурно разнообразные части населения заканчивались, как правило, сопротивлением или, по крайней мере, социальным напряжением, которое было трудно преодолеть. Под угрозой территориального раскола эти попытки могли усиливаться. Поэтому современные национальные государства были бы внутренне нестабильны, если они были бы составлены из культурно неоднородных популяций, а попытка увеличить однородность, чтобы сломить тенденцию к дестабилизации, могла привести именно к увеличивающейся нестабильности.

Эстонские власти постепенно приходят к пониманию того, что им не остается другого конструктивного варианта, как гибко и тактично решать демографическую ситуацию, унаследованную в августе 1991 года. Тем более, что по утверждению эстонских экспертов не смотря на заявлениям России о

защите интересов русских, проживающих в Эстонии, Россия бросила на произвол судьбы своих соотечественников.³³ Итак, одной из важнейших проблем в национальной политике современной Эстонии остается параллельное существование двух общин. Практически ситуацию можно рассматривать как сложившуюся де-факто сегрегацию. В сложившемся положении виноваты обе стороны. Эстонцы, как правило, обвиняют русскоязычных в том, что они мало заинтересованы в усвоении эстонской культуры. Русские указывают на то, что эстонское государство не создает достаточной материальной и правовой базы для тех, кто искренне хотел бы овладеть эстонским языком и эстонской культурой. «Для большей части русских Ида-Вирумаа факт проживания в Эстонии — не столько их сознательное решение, сколько историческая случайность (среди опрошенных в марте 1996 года каждый пятый — коренной житель). Таким образом, русские Ида-Вирумаа, по понятным причинам, не смогли окончательно выбрать свой настоящий политический (государственный) идентитет. Для русских Ида-Вирумаа и всей Эстонии главное — решение, прежде всего, проблем с личным фоном — борьба с преступностью и государственное бесплатное преподавание языка, а также другие подобные меры и действия. Связанное с государственной властью не так важно как личное.»³⁴ Сегодня «от 50 до 58% русских считают интеграцию в эстонское общество для себя наиболее приемлемой стратегией поведения. В то же время как 30% опрошенных эстонцев советуют русским уехать и только 2% — остаться. При этом 37% из них считают, что для страны отъезд русских был бы только благом, 48% — благом в определенной мере и лишь 5% видят в эмиграции русских ущерб для Эстонии»³⁵.

Доминирующим языком в Нарве является русский. Данные опросов жителей города, проведенных разное время и разными исследователями, позволяют сделать следующее заключение относительно реального владения жителями Нарвы эстонским языком: от 70% до 80% неэстонцев не владеют языком; от 10% до 20% этнических эстонцев также им не владеют. Ситуацию усугубляет и сложившаяся в городе языковая среда: 72% неэстонцев практически не пользуются эстонским языком; каждый день в той или иной степени эстонским языком пользуются лишь 3% неэстонцев — жителей городе (данные Группы рыночных исследований Тартуского Университета по состоянию на июнь 1996 г.).³⁶ Динамика национальной структуры ярко отражает всю сложность социальных процессов в приграничном уезде. Численность эстонцев, начиная с 1970 года уменьшилась абсолютно (50,5 тысяч в 1959 г., 54 тысячи в 1970 г., 47,8 тысяч в 1979 г., 40,8 тысяч в 1989 г., 38 тысяч в 1996 г.) Еще более зрительно это в процентном соотношении с 38% в 1959 г. до 18,7% в 1996 г. В предыдущие годы существенным для уменьшения чис-

---

³³ *Vares P.* Eestimaa ja Venemaa, eestlased ja venelased - dialoog. Tallinn, 1996, lk. 18.

³⁴ *Айдма Р.* Региональные и национальные аспекты интеграции национальностей // Интеграция национальных организаций Ида-Вирумаа в эстонскую среду Йыхви. 1997, с.73.

³⁵ *Пароль В.* Особенности межэтнической и социально-политической ситуации в Эстонии и основные пути ее нормализации // Русские в Эстонии на пороге XXI века прошлое, настоящее, будущее. Таллинн, 2000, с.31.

³⁶ *Горохов С.* Нарва и нарвитяне //Радуга №3. 1997, с. 91.

ленности эстонцев была эмиграция, а в последние годы — отрицательный естественный прирост. Изменение числа инационального населения произошло по следующей общей схеме — до середины 1980-х годов или до начала 1990-х годов рост за счет механического и естественного прироста, затем уменьшение из-за эмиграции, и несколько последних лет путем как отрицательного механического так и путем естественного прироста. В 1989-1996 годы уменьшение числа населения уезда (с 221,1 тысячи до 202,9 тысяч) происходило за счет уменьшения многочисленных национальных групп (число эстонцев уменьшилось на 2,9 тысяч; русских на 11,3 тысячи; украинцев на 0,9 тысяч; белорусов на 1,1 тысячу; число финнов на 0,8 тысяч). Учитывая, что число украинцев, белорусов, финнов, а также эстонцев уменьшалось относительно интенсивнее чем число русских, удельный вес последних в населении уезда возрос с 70% до 71%. Ида-Вирумаа характеризует ассимиляция на базе русского языка национальностей, являющихся в уезде численным меньшинством. В 1989 году по национальности русских было 154,7 тысяч, говорящих на русском — 72,9 тысяч. Ассимиляция касается, как так называемых третьих национальностей, так и эстонцев (по национальности в 1989 году в Ида-Вирумаа было эстонцев — 40828 человек, по языку — 39 059).³⁷

Указанные данные подтверждает и статистика по Силламяэ (13 км от границы.) По этому городу есть уникальное исследование территориальных контактов как фактора идентичности. Если в Нарве, сеть социальных контактов простирается за Нарову, у Силламяэ не было подобных органичных связей ни с одной целостной областью. В Силламяэ 60% из родившихся в городе имеют личные контакты с родственниками и друзьями, живущими в Эстонии. Направление этих связей уже сравнимо со связями, направленными в сторону России, которые доминируют как в случае ранней миграции (60:40), так и в случае позже прибывших (68:46). В то же время понятно, что факт наличия родственников-знакомых сам по себе не означает во всех случаях безусловного т. н. физической выезда за пределы своего местожительства или ментального «захвата» прочей территории. Во многих случаях имеет место косвенная коммуникация в территориальном смысле, в которой более активна участвующая в контактах другая сторона. В Нарве же путешествия и поездки жителей города в недавнее время (вопрос был о поездках в течение трех последних лет) распределились более-менее поровну между Россией и Эстонией. Больше всего сократилось число поездок в Россию, в том числе и в район Петербурга.³⁸

Согласно данным международной неправительственной организации «Чудской Проект», для современных (по состоянию на сентябрь 1996 г.) «геополитических» взглядов и ориентации нарвитян характерно следующее: 1,62% считают Нарву частью Эстонии и только 15% относят ее к России.

---

³⁷ Кыре Ю. Анализ национальной ситуации Ида-Вирусского уезда и прогноз до 2010 года // Интеграция национальных организаций Ида-Вирумаа в эстонскую среду Йыхви. 1997, с.79.

³⁸ Халлик К. Силламяэ открывается // Интеграция национальных организаций Ида-Вирумаа в эстонскую среду Йыхви. 1997, с.82–833.

Причем гражданство респондента никакого влияния на характер этих ответов не оказывает. В решении своих проблем 69% горожан рассчитывают на помощь правительства Эстонии и 75% — рассчитывают на помощь правительств России.

Проведенные автором исследования также показывают, что **основой пространственной идентификации является непосредственное соотнесение ими своей самооценки с языковыми и национальными признаками. Понятие «родина» в семантике индивидуального сознания не имеет национальной или территориальной (государственной) отнесенности, связываясь, главным образом, с понятиями: «дом», «семья», «русский язык».**

Приложение: список памятников расположенных на берегу Нарвы на расстоянии 12 км и на удалении от уреза воды не более чем на 300 м.

Приложение

- Памятники *советским* воинам, погибшим в Великой Отечественной войне – Нарва (1), Нарва (2), Нарва (3), Ригикюла, Усть-Нарва.
- Памятник *русским* воинам, павшим при осаде Нарвы в 1700 году. Нарва.
- Памятник *шведским* воинам и Карлу 12-у оборонявшими Нарву.
- Памятник *русским* воинам, павшим при взятии г. Нарвы 9 (20) августа 1704 года. Нарва.
- Памятник бойцам 2-го Вильяндиского *коммунистического* стрелкового полка, павшим 28 ноября 1918 г. в бою за освобождение Нарвы.
- Памятный крест в честь воинов Северо-Западной *белой армии* генерала Юденича (1919–1920 гг.).
- *Эстонское* воинское кладбище бойцов «Кайтстеллита» — 1944 год (добровольческие вооруженные формирования Эстонии).
- *Немецкое* военное кладбище.